

Покатов Дмитрий Валериевич
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация
Dvpokatov@gmail.com

Эволюция российской контрэлиты и практик её функционирования в регионах традиционного типа

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и эволюции отечественной контрэлиты как особой социальной группы. Дается определение категории «контрэлита» в её соотношении с понятием «оппозиция». Выявляются особенности эволюции контрэлиты в регионах традиционного типа развития (на примере Среднего и Нижнего Поволжья). При этом особый акцент сделан на такой типичный по 28 показателям регион, как Саратовская область, в котором в процессе эволюции контрэлиты анализируются базовые её характеристики и тенденции функционирования применительно к периодам: т.н. «политического султанизма» (1992–2005 гг.); консолидации (2005–2012 гг.); политической стабилизации (2012 – н.вр.).

Ключевые слова: политическая элита; контрэлита, регион; традиционный тип развития; профессионально-личностный потенциал; функционирование

Pokatov Dmitry Valeriyevich
Saratov state university,
Saratov, Russian Federation
Dvpokatov@gmail.com

Evolution of russian counter-elite and practices of its functioning in the regions of the traditional type

Abstract. The article discusses the features of the formation and evolution of the domestic counter-elite as a special social group. The definition of the category “counter-elite” in its relation to the concept of “opposition” is given. The features of the evolution of the counter-elite in the regions of the traditional type of development (on the example of the Middle and Lower Volga regions) are revealed. Moreover, special emphasis is placed on such a region, typical for 28 indicators, as the Saratov region, in which, during the evolution of the counter-elite, its basic characteristics and functioning trends are analyzed in relation to periods: the so-called “political sultanism” (1993–2005); consolidation (2005–2012); political stabilization (2012 – present).

Keywords: political elite; counter-elite, region; traditional type of development; professional and personal potential; functioning

Контрэлита является сегодня одним из объективно существующих феноменов современного демократического этапа общественного развития, без которого невозможно не только обновление руководящего звена, представленного правящей

элитой, но и стабильное и эффективное развитие самой социальной структуры общества, нуждающегося в обновлении, притоке новых идей, ресурсов, кадров. Происходящие в последние годы трансформационные изменения, как на уровне всего общества, так и отдельных подсистем, и регионов, не могли не затронуть и такую достаточно своеобразную группу общества, как контрэлита.

Прежде чем остановиться на рассмотрении базовых тенденций её эволюции, необходимо кратко рассмотреть сущность данной категории. Введение её в научный оборот обычно связывают с именем одного из родоначальников теории политической элиты, итальянского социолога В. Парето, отмечавшего в своих работах объективное существование класса, в который будут входить те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей деятельности, т.е. элиты, включающей в свой состав две части: правящую и неправящую группы [Парето, 2008: 308–309]. Как раз неправящая часть и есть, по сути, то, что определяется как контрэлита.

Наряду с В. Парето, к определению сущности контрэлиты в разные годы обращались многие известные ученые, представляющие различные области гуманитарного и социального знания. В силу ограниченности объема данной статьи приведем лишь некоторые из данных суждений, которые, к тому же, в основном были близки, так как, по сути, сближали категорию контрэлиты с близким, но не тождественным понятием оппозиции.

Как известно, сам термин «оппозиция» вошел в употребление в 1730-х гг. благодаря усилиям видного английского общественного деятеля Г. Болинброка, заложившего основу для понимания института политической оппозиции в условиях парламентской системы. Среди представителей классической социально-философской мысли, на наш взгляд, более комплексный подход изложил в своих работах Ф. Гизо. В работе «О средствах правления и оппозиции в современной Франции» он писал, что оппозиция есть правление той части публики, которая осуждает правительственную систему и стремится изменить её; правда, это правление чисто моральное, не обладающее никакими принудительными средствами в отношении своих противников или своих сторонников. Главную цель оппозиции Ф. Гизо видел в борьбе, но не для того, чтобы изменить или уничтожить, если ей это удастся, систему управления, а, прежде всего, для того, чтобы эту систему изменить и совершенствовать [Кислицын, 2009: 16, 18].

В дальнейшем понимание оппозиции весьма дифференцировалось в зависимости от отрасли знания. Так, в политологии оппозиция стала анализироваться через призму взаимодействия базовых политических субъектов – политических партий, что наиболее ярко проявилось в творчестве М. Дюверже, Р. Даля, Дж. Сартори. Известный отечественный государствовед Д. П. Зеркин определял политическую оппозицию в России как организованную группу активных индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей, целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе

государственной власти [Зеркин, 1998: 95–96]. Крупный российский социолог политики А. П. Цыганков видел в оппозиции любые формирования для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализуемых в политике центральной властью [Цыганков, 1995: 98]. Как видно, все данные определения, имея несомненные достоинства, вместе с тем, как думается, не совсем подходят для социологической интерпретации категории «контрэлита». Прежде всего, контрэлита – это более широкое социальное образование, интегрирующее в своем составе не только оппозицию, связанную с политическими партиями. С другой стороны, контрэлита – это не любые социальные формирования, а достаточно организованная часть именно политической элиты, включающая в себя как представителей политических партий, так и общественных организаций, движений, обладающих необходимым элитным профессионально-личностным потенциалом, включающим в себя как важнейшие профессионально-творческие, креативные способности (неординарность мышления, предрасположенность к выполнению лидерских функций, действиям в условиях социальной энтропии), так и важнейшие профессиональные показатели, в том числе, высокий уровень и качество профессионального образования (прежде всего, политического, юридического и гуманитарного); наличие политического и административного опыта [Покатов, 2014: 86].

Учитывая это, контрэлиты можно определить, как часть политической элиты, включающую политических деятелей, обладающих необходимым профессионально-личностным потенциалом, напрямую не связанных с политической властью, но выражающих интересы определенных политических субъектов, институтов, общественно-политических организаций и движений, групп интересов, выступающих полностью или частично против курса, осуществляемого правящей элитой.

Контрэлита – достаточно многогранное социально-политическое явление, которое можно типологизировать по разным критериям. В частности, В. Парето использовал критерий методов воздействия на общество, выделяя элиту-львов, сторонников неприкрытого насилия, и элиту-лис, склонных к компромиссам и договору. По степени открытости можно говорить об открытой и закрытой контрэлитных группах. Используя подход М. Вебера, учитывающий критерий господства, выделяют традиционную, легальную, харизматическую формы контрэлитных групп. Также в последние годы, как и применительно к политической элите в целом, активно применяется уровневый критерий, исходя из которого выделяют: федеральную, региональную и местные контрэлиты. Мы остановимся в рамках нашей работы на региональной контрэлите.

Как известно в рамках различных социальных и гуманитарных дисциплин существуют различные интерпретации региона. В целом, попытка выделить только один из критериев для определения сущности такого многопланового социального явления, как регион, не будет способствовать его комплексной характеристике, к

которой должны стремиться социологи. Также происходившие в 90-е годы прошлого столетия и происходящие сейчас процессы, свидетельствующие о весьма разноплановом и неоднородном характере развития ряда территорий, не позволяют сегодня говорить о возможности объединения ряда территориальных единиц в одно целое. Учитывая это, под регионом в настоящем исследовании понимается определенная социально-территориальная и народно-хозяйственная общность, характеризующаяся постоянными трудовыми и социокультурными связями населения, обладающая необходимой социальной и производственной инфраструктурой имеющая органы управления, призванные отражать интересы территориального развития. Речь идет, в первую очередь, о таком типичном по 28 показателям, по мнению ряда исследователей (Н. В. Зубаревич и др.) для России среднеразвитом регионе, как Саратовская область. Достаточно близки к нему и ряд других регионов Среднего и Нижнего Поволжья, прежде всего, Волгоградская и Астраханская области.

По сути, многие социально-политические процессы, происходящие в современных российских регионах, детерминированы практиками их цивилизационного развития. Учитывая это, в ряде исследований обоснованно говорится о таких формах регионального развития, как традиционный, индустриальный и постиндустриальный. Регионы традиционного типа, как правило, характеризуются низкими темпами развития, детерминируемыми использованием экстенсивных технологий, преобладанием аграрного производства, доминированием в социокультурной сфере традиций, обычаев, патерналистских ценностей. В политической сфере в них формируется достаточно консервативная аполитичная система, сочетающая признаки традиционного режима с его ориентацией на авторитаризм, ограничение массового политического участия и закрытость, и мобилизационно-популистского режима, ориентированного на пресловутый «порядок» и условную справедливость. Создателем и гарантом существования данного режима является лидер, имидж которого основан на сочетании патримониального традиционно-технократического типа («крепкого хозяйственника» или «хозяина области») и харизматического типа лидерства.

Индустриальные и аграрно-индустриальные регионы (Самарская, Оренбургская области и др.) в экономическом и социальном планах являются более развитыми. В таких регионах либерально-рыночная ориентация в экономике сочетается с элементами авторитаризма и консерватизма в политике. Формирование институтов власти и управления в регионах данного типа осуществляется в соответствии с кланово-профессиональным и кланово-корпоративным принципами, в целом является более открытым и толерантным, но (в большинстве случаев) носит все же «замкнутый» характер.

И, наконец, постиндустриальные регионы (к которым, с некоторыми оговорками, можно отнести Москву, Санкт-Петербург, Нижегородскую область и др.) развиваются достаточно интенсивно. Доминирующей в них становится сфера услуг.

Для них характерен достаточно высокий уровень индустриального и научно-технического развития и значительный вес политизированной, преимущественно либерально-ориентированной интеллигенции и предпринимательских кругов, способствовавших становлению в целом демократически ориентированной системы власти, основанной на принципе разделения властей. Исполнительная власть не являлась здесь доминирующей и занимала равное место. Значительную роль в таких регионах играют законодательные органы, социальную основу деятельности которых образуют как политические партии и движения, так и теневые политико-финансовые группы (банковский капитал, прослойка «красных директоров» и т.д.).

В целом рассматриваемые в работе регионы Среднего и Нижнего Поволжья, прежде всего, Саратовская область, несмотря на предпринимаемые представителями власти попытки вывести их из стагнирующего состояния, по-прежнему остаются регионами традиционного плана, что детерминирует во многом специфику развития многих процессов, в том числе, и эволюции контрэлиты и практик её функционирования.

По сути, становление контрэлиты в традиционном Саратовском регионе можно отнести к началу 90-х гг., сразу после развала СССР. Сам период трансформации данной группы затрагивал, на наш взгляд 3 этапа: I период – т.н. «политического султанства» (1992–2005 гг.); II – консолидации, переходный (2005–2012 гг.); III – политической стабилизации (2012 – по настоящее время).

На I этапе становление контрэлиты происходило в сложных и достаточно драматичных условиях трансформации старой советской политической системы в новую. Борьба двух ветвей власти на федеральном уровне постепенно захватывала в разной степени и регионы. Ослабление идеологического и политического контроля способствовало постепенному становлению достаточно разноплановых политических партий, общественно-политических движений и движений. К 1998 году в стране насчитывалось более 3 тыс. политических партий и около 88 тыс. общественных объединений [Грановский, 2004: 80]. Формирующаяся контрэлита вобрала на первых порах в свой состав как представителей бывшей номенклатуры, профсоюзов, так и различных, иногда даже маргинальных политиков, представляющих весь политический спектр – от твердых коммунистов до либералов и радикальных демократов, группировавшихся вокруг существовавшей в то время партии «Демократический выбор России». Благодаря действовавшим в тот период политически свободам и относительно формальной системе избирательного права, еще не перешедшей к использованию административного ресурса, в состав областной Думы прошли 15 представителей контрэлиты. В социальном плане их портрет можно представить следующим образом: 33 % составляли представители т.н. «хозяйственных кругов» (руководители структур АПК и ВПК, менеджеры и руководители различных фирм и организаций, банковско-финансового сектора). 13 % составляли представители прежней партийно-государственной номенклатуры. 13 % являлись представителями

корпоративных кругов, т.н. «силовиков», включающих когорты армейских офицеров, офицеров ФСБ, правоохранительных органов и руководителей ВПК. 13 % относились к интеллигенции. Несмотря на некоторое омоложение состава элит, произошедшего после краха номенклатурной системы, средний возраст контрэлиты на то время составлял 44 года. При этом ряд деятелей имели за собой значительный опыт работы в органах власти и управления предшествующего периода, профсоюзных организациях, либо предприятиях ВПК и АПК [Саратовская областная Дума].

В целом складывание контрэлиты происходило в достаточно сложных и противоречивых условиях формирования режима т.н. «политического султанства», достаточно хорошо рассмотренного в работах Х. Линца и А. Степана, выделивших следующие его характеристики: 1) отсутствие политического плюрализма и низкая степень автономии акторов; 2) слабое развитие (или полное отсутствие) формальных институтов на фоне неограниченного использования власти лидером; 3) силовые стратегии политических лидеров, время от времени сопровождающиеся массовой мобилизацией [Линц, Степан]. Складывание данной формы происходило на фоне успешного маневрирования представителей правящей элиты между несколькими институциональными группами интересов, прежде всего, инновационными (включающие ФПГ, действующие в производственной и финансовой сфере) и традиционными (их основу составлял союз руководителей АПК и ВПК). Ввиду слабости на первых порах автономных и независимых общественных структур, и объединений, лоббизм в регионах был связан не столько с законодательным процессом в представительных органах, сколько с попытками различных ФПГ организовать давление на администрацию, от которой добивались решения ряда сиюминутных вопросов (в том числе, получения лицензий, вопросов таможенных льгот и т.д.).

С середины 90-х гг. XX века в Саратовской области стал заметным процесс консолидации групп давления, который возглавила областная администрация, подчинившая себе многие действовавшие в регионе группы давления (за исключением нескольких нелегитимных групп). Единственным противостоявшим ей монолитом было аграрное лобби, которое одним из последних попало в сферу влияния административной элиты. Но сам процесс маневрирования правящей элиты приводил даже к тому, что в составе контрэлиты действовали представители ведущих лоббистских групп, прежде всего руководства структур АПК, занявших ключевые позиции в местном парламенте.

Закрепление позиций правящей элитной группы, функционирующей в рамках режима, постепенно привело к переходу к следующей фазе – консолидации, явившейся переходной и продлившейся с 2005 г. по 2012 г. Фактически данный период, знаменовал собой значительное ослабление позиций контрэлиты, во многом маргинализировавшейся, представлявшей собой совокупность слабо оформленных групп, потерявших реальные рычаги воздействия на власть. Это, в частности, проявилось в том в Саратовских областных Думах II (1997–2002 гг.) и III

(2002– 2007 гг.) созывов не было представительства контрэлиты, связанной с партиями. В Думе третьего созыва фактически остались следующие фракции и группы – «Единой России» (17 депутатов), «Союз товаропроизводителей и предпринимателей» (6 депутатов), и «Мы вместе» (5 депутатов). Согласимся с рядом авторов, выделявших в рамках данного периода несколько этапов. Первый этап включал в себя электоральную реформу, в ходе которой представители правящей федеральной политической элиты, по сути, получили неограниченный контроль над всеми представительными органами власти, включая Государственную Думу. Завершением этого процесса стали изменения в процедурах выборов в данный орган власти, когда было установлено, что все 450 депутатов избираются по партийным спискам. Минимальный проходной барьер был определен на уровне 7 % и запрещено формирование избирательных блоков. Также был отменены: минимальный порог явки и графа – «против всех». Усиление к 2005 году позиций правящей элиты позволило перейти к следующему подэтапу – предъявления жестких требований к тем общественно-политическим структурам, которые позиционировали себя как оппозиционные. Происходила фильтрация поля контрэлиты. И третий подэтап, начавшийся в 2007 году, с выборов в Государственную Думу фактически знаменовал разделение оппозиционных групп на: системные, внесистемные и маргинальные [Кислицын, 2009: 521–522].

При этом с одной стороны, из элиты и контрэлиты оказались вытеснены представители старой номенклатуры и радикально-демократических кругов начала 90-х гг. С другой стороны, благодаря разным объективным и субъективным обстоятельствам (в том числе, харизме, наличию средств и связей) в составе контрэлиты оказалась значительная прослойка лиц молодого и среднего возраста, достаточно хорошо образованных, грамотных, имеющих опыт партийной работы, но не задействованных представителями правящей элиты.

Ухудшение экономических и социальных показателей развития общества к 2012 году, раздражение ростом консервативных и авторитарных тенденций в стране и регионе способствовал активизации данной и других прослоек контрэлиты, что позволяет говорить о переходе к 3 этапу эволюции контрэлитной группы – политической стабилизации (2012 – по настоящее время).

В регионах традиционного типа, каковым является Саратовская область, это выразилось в постепенном переходе от режима «политического султанства» к т.н. корпоративной персонократии, олицетворяемой высшими чиновниками региона, прежде всего, губернаторами, опирающимися на разветвленные сегменты бизнес-элиты. В ряде случаев представители политической элиты не всегда имели достаточного влияния на различные сегменты бизнес-элиты, оказывающие поддержку тем или иным кандидатам на высшие посты в системе власти региона. Но и, вместе с тем, представители бизнес-сообщества не могли оказывать значительное влияние на региональную власть. В этих условиях представители федеральной элиты выбирают наиболее компромиссную фигуру, устраивающую ведущие общественно-

политические силы региона. Как правило, продвижение такого политика обеспечивает влиятельное лицо из федеральной политической элиты. Формируется феномен патронократии. Именно такой причудливый симбиоз сформировался сегодня в Саратовской и некоторых других областях. Становление данной весьма противоречивой формы, в условиях которой функционировала правящая элита, приводило к тому, что оказывавшие ей политическое покровительство фигуры из федеральной элиты, на определенном этапе с целью показать больший демократизм изменений в угоду требованиям общественности, вновь допустили ряд представителей контрэлиты к формальным рычагам управления. Это выразилось в том, что 2017 году в региональных парламентах ряда регионов, в том числе, и Саратовской областной Думе, появились 8 депутатов, представлявших контрэлиту. По своему социальному происхождению их состав отличался от состава контрэлиты I периода существования данной группы. Хозяйственников насчитывалось в её составе 37 %, представителей корпоративных кругов – 12,5 %. Столько же было современных партийных деятелей (в основном системной направленности – Единой России, КПРФ, ЛДПР, Справедливой России). И 50 % составляли представители различных прослоек интеллигенции [Саратовская областная Дума]. Возраст контрэлиты, несмотря на приход молодежи, остался практически неизменным – 45 лет. Воз

росло, но не очень значительно, число представителей контрэлиты, работавших в разные годы в политических партиях, общественных движениях и организациях. В политических партиях и общественных движениях стаж работы от 5 до 15 лет в Саратовской области имеется у 3,7 % политических деятелей, в Волгоградской области – также у 3,7 % политиков [Саратовская областная Дума; Волгоградская областная Дума].

В целом, по сравнению с предыдущими периодами возрастает активность представителей контрэлиты. Это относится не только к действиям в рамках парламентских заседаний, участия их в работе думских комитетов и комиссий, но и организации митингов и шествий. Новым становится понимание необходимости деятельности с использованием социальных сетей. Однако в большинстве случаев это напоминает некоторую имитацию политической активности. В целом ряде случаев современной контрэлите все еще не хватает широкой социальной базы, политического опыта и связей. Зачастую она не обладает политическими и ресурсными возможностями партии власти, отлучена от СМИ, существенно искажающих и замалчивающих её заслуги.

Однако все это не означает невозможности укрепления данной группы. Существенно изменить её статус может как дальнейшая трансформация её профессионально-личностного потенциала, грамотное использование имеющихся ресурсов и связей, так и существенная эволюция структур гражданского общества, которое все еще достаточно слабо проявляет себя как на федеральном, так и, особенно, региональном уровнях.

Библиографический список

Волгоградская областная Дума [Электронный ресурс] // Волгоградская областная Дума: [веб-сайт]. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 01.12.2019).

Грановский С. А. Прикладная политология. М.: Флинта: МПСИ, 2004. 408 с.

Зеркин Д. П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 96–99.

Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. 540 с.

Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России»: [веб-сайт]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz,Stepan.pdf> (дата обращения: 09.12.2019).

Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2008. 511 с.

Покатов Д. В. Профессионализм политической элиты: понятие, критерии, формы проявления // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С.84–92.

Саратовская областная Дума [Электронный ресурс] // Саратовская областная Дума: [веб-сайт]. URL: <https://srd.ru/> (дата обращения: 15.12.2019).

Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типологии, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.